

АНТАРКТИДА ГЛАЗАМИ ХУДОЖНИКА

69-Я РАЭ

Новый 2024 год я встречала на НЭС «Академик Федоров» где-то у берегов Восточной Антарктиды, стоя в полночь на палубе в полярных сумерках и рассматривая проплывающие вдали айсберги. «Так свежо мне, так свежо» (Булгаков М.А. Собачье сердце. М., 2007. С. 91).

Шесть лет назад я рисовала иллюстрации к книге «Как открыли Антарктиду» (издательство «Паулсен»), про экспедицию Беллинсгаузена и Лазарева. В этой экспедиции был художник — Павел Николаевич Михайлов. Я придумала иллюстрацию (довольно банальную), как он стоит на палубе и делает зарисовки. Уже тогда мне было понятно, что мне нужно туда же. Я люблю льды и море, и я тоже Михайлова. Наверное, Павел Николаевич похлопотал за меня в небесной канцелярии, и в ноябре 2023 года я оказалась в составе команды полярников, отбывающих из Кейптауна в Антарктику.

По большей части я рисовала все-таки не на палубе, а в каюте, которую мне выделили под мастерскую. Первые дни были только океан и разные птицы, так что несколько работ посвящены им. Потом появились льды — сначала отдельные льдины, потом большие, но слабосплоченные ледяные поля. На каком-то небольшом обломке льда стояли три пингвина. Я за них встревожилась: дурашки, сейчас льдина окончательно растает — и что тогда? Меня успокоили, сказали, что пингвин, если ему надо, может и в Кейптаун сплывать и вернуться. На радостях нарисовала, как пингвинах, выполнив задачу продолжения

рода, отправляется на шопинг в Кейптаун (известно, что отцы семейства остаются высидывать птенцов в каменных гнездах, а мамочек отпускают подкормиться — иногда идти приходится десятки километров).

Кроме того, ночи становились все короче, а вечерние тени — все длиннее. Очень хотелось ухватить и передать в акварели тот момент, когда поверхность океана и плоские льдины уже в тени, а небольшие торосы на льдинах ловят последние розовые лучи. Извела на этот сюжет несколько листов акварельной бумаги и, не достигнув желаемого эффекта, от-казалась от него, так как наконец появились уже настоящие красавцы, ради которых, собственно, все и затевалось, — айсберги.

Не знаю, почему я их так люблю, откуда вообще эта страсть к льду и снегу. Наверное, это необъяснимо, как всякая любовь. Хорошо, когда она есть, — вот и все, что можно сказать.

В одной из легенд индейцев Северной Америки о полярном сиянии говорится о том, что сияния — это свет из окон ледяного чертога, в котором обитают боги. Я думаю, что ледяной чертог из легенды — это и есть айсберг. Так я, собственно, и назвала свою акварель с портретом одного ледяного странника, который был необычайно хорош — огромный, с темно-голубыми нишами и аркой.

Удивило меня то, что даже при спокойном море на айсберг обрушиваются немаленькие прибойные волны, которые берутся, казалось бы, ниоткуда. Вероятно, их порождает невидимая подводная часть

А.Б. Михайлова

Бухта Тала

айсберга — нечто вроде шельфа, который и формирует прибойные волны. Это не утверждение, а моя догадка — поправьте меня, если знаете правильный ответ!

Завораживают меня и мысли о судьбах айсбергов. Отколовшись от ледника, они отправляются в большое путешествие, которое может оказаться очень долгим. Айсберг может годами и десятилетиями стоять в припае или крутиться в круговом течении, переплывать из бухты в бухту или сесть на мель и никуда не двигаться. Но рано или поздно каждый айсберг заканчивает свои дни, как Русалочка, — растворяясь в океане. Мне только хочется верить, что айсберги успевают вдоволь пожить и попутешествовать, и, может быть, они отправляются на север, к экватору, когда уже им просто все надоедает и хочется перевоплощения.

«Академик Федоров» долго стоял в бухте Тала, а до этого тоже долго — наверное, не меньше недели — пробивался туда по припаю. Это был для меня настоящий подарок: великолепная погода, неторопливое движение среди огромных, пока еще неподвижных ледяных гор — все можно было рассмотреть и задокументировать в виде набросков. Час до и час после полуночи — волшебное время, когда вертикальные стенки айсбергов становятся не просто розовыми, а светятся каким-то малиновым светом в лучах солнца, низко висящего над антарктическим куполом. Однажды ночью я наблюдала загадочное явление — радугу на полнеба при очень слабом, почти незаметном снеге. Потом спрашивала у метеоролога, который возвращался с зимовки на Мирном, — бывают ли радуги в Антарктиде. Он сказал, что за полтора года видел пару раз.

Жизнь на судне для меня была необычна прежде всего своей монотонностью и, я бы сказала, незамутненностью. Первые дни отдыхаешь от предшествовавших хлопот и наслаждаешься покоем и размеренностью существования. Но уже скоро становится слегка не по себе от отсутствия внешних стимулов — никаких звонков, дедлайнов и заказчиков, вообще никаких новостей. Информационная депривация, или, может быть, детокс. Ничего не отвлекает. Можно полностью сосредоточиться на работе, что я, разумеется, и сделала. Но оказалось, что мое представление о собственной интровертности сильно преувеличено...

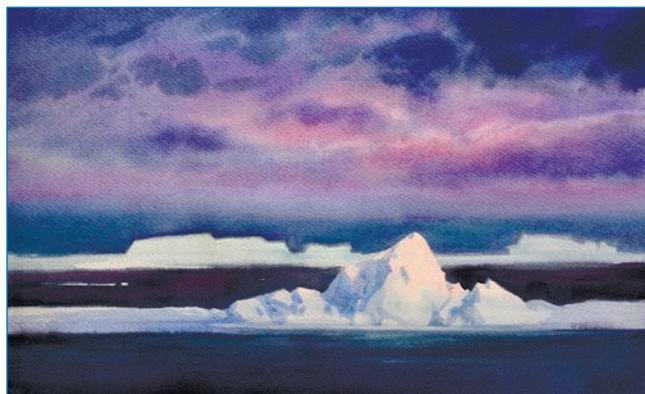
На этом фоне ярким событием стало посещение станции Прогресс. Там удалось побыть даже два дня, развиртуализировать свое онлайн-знакомство с Ярославом Мальцевым — поваром и автором блога ВК, который давно читаю, — и просто погулять по этой дивной

Безветрие

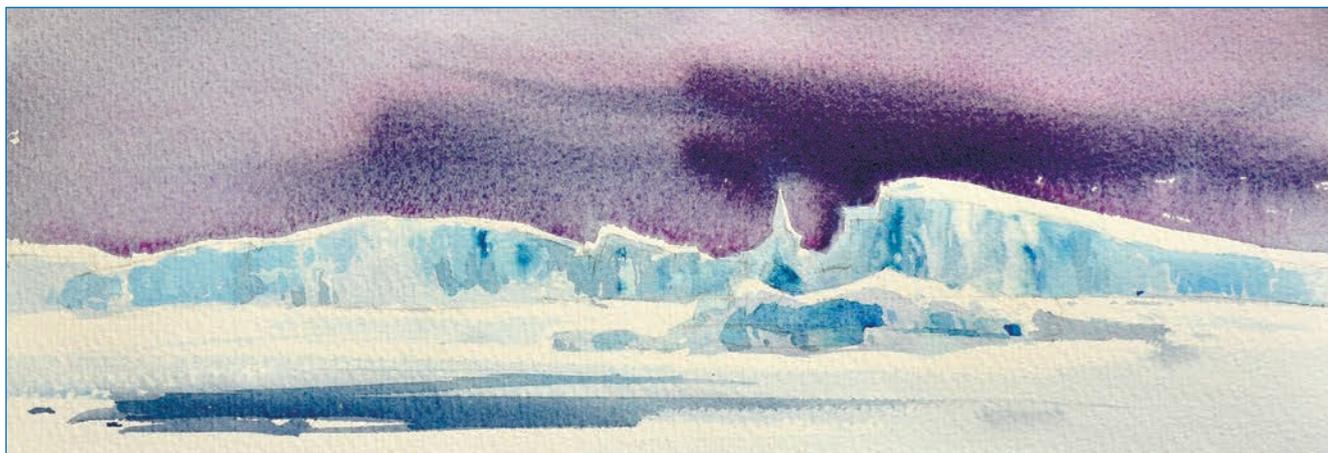

Земля принцессы Елизаветы

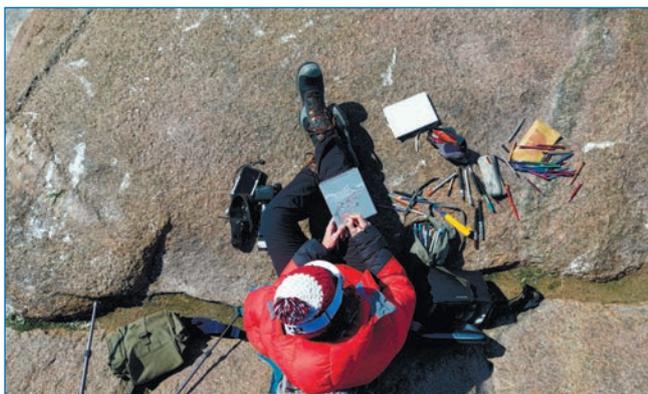
Закат

Айсберг

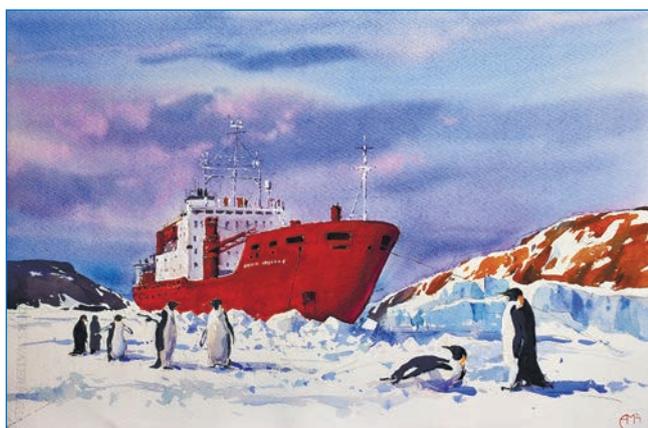
Молодёжная

На острове Зыкова

Вертолет

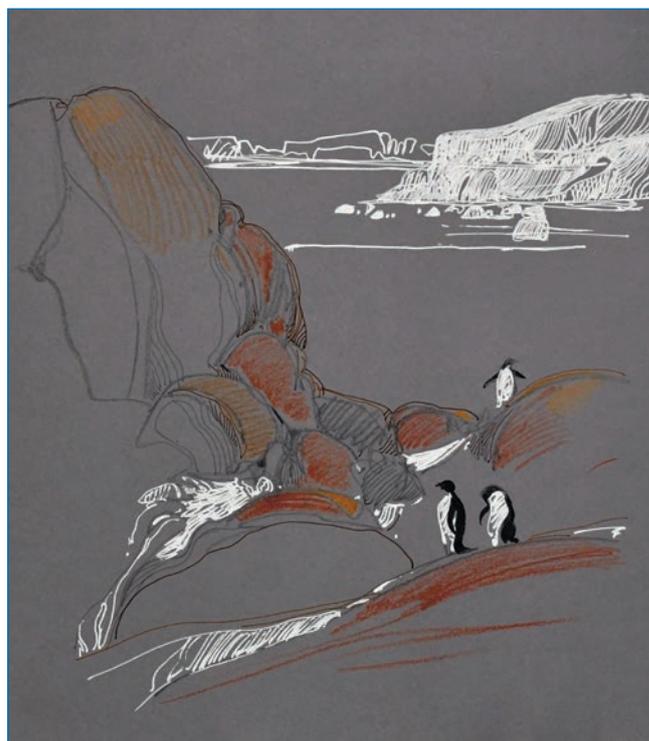

Возвращение

земле. Поразили меня камни — это моя вторая любовь, помимо льдов и снегов. Много фигур выветривания, то есть ажурных камней, которые похожи больше всего на произведения абстрактного искусства. Это, как я понимаю, осадочные породы, которые по своей природной мягкости подвержены воздействию ветровой эрозии. Но есть и выходы коренных пород. В частности, недалеко от вертолетной площадки на станции — большая гранитная скала, пологая, но удивительным образом рассеченная глубокими продольными трещинами. Я провела там несколько часов на закате с фотоаппаратом. Хотелось поймать в объектив снежного буревестника — их там живет довольно много, и они очень эффектно кружат на фоне неба, ярко-розовые в лучах полноточного солнца.

Еще один волшебный момент случился на станции Мирный, где меня бывалые полярники взяли с собой посмотреть на пингвинов. До самого острова Хасуэлла мы не дошли, но зато основательно поработали на острове Зыкова. Я расположилась наверху скалы и рисовала пингвинов прямо с натуры. Они, кстати сказать, прекрасные натурщики — куда особо не торопятся, а позы у них бывают очень выразительные за счет динамичных движений крыльями и довольно гибкой, как оказалось, шеи — они ее легко вытягивают и активно крутят головой. Форма тела у пингвина превосходная для зарисовок — большая и убедительная масса туловища и тонкие, изящные детали — клюв и крылья. И раскраска тоже — подарок для художника: простые и убедительные пятна, черное и белое. У императоров еще оранжевый воротничок, но императоров вблизи мне увидеть не удалось.

Третий мой выход на берег случился уже в самом конце, когда мы добрались до станции Молодёжная. День был удивительно теплый, даже, можно сказать, жаркий — яркое солнце и безветрие. Было так тепло, что я поддалась искушению, разулась и погуляла по антар-

Хасуэлл

ктическим скалам босиком. Запомнился и перелет туда на вертолете — пролетали над айсбергами, стоящими в припае, с очень сложно устроенной поверхностью: там были глубокие трещины и высокие ледяные башни. Жаль, фотографировать с вертолета через стекло не очень удобно, и хороших фотографий у меня нет.

Моя задача как экспедиционного художника состояла из двух частей. Собственно, написать серию акварелей — это работа привычная и понятная. Получилось порядка тридцати акварелей, причем довольно много больших (для меня) работ на целый лист, это 76 на 56 см. Обычно я пишу на половине такого листа, но тут стало понятно, что антарктический простор требует другого масштаба. В основном этой пейзажи, но не только: написала даже двойной портрет — человека с пингином. По антарктическим правилам подходить к пингвинам слишком близко нельзя, чтобы их не тревожить. Так что сфотографироваться с пингином не получится. Ну а нарисовать человека хоть в обнимку с пингином — это можно...

Получилось довольно много всякой графики — в основном птицы и айсберги. И еще — новогодняя афиша, на которой я, как-то не задумываясь, нарисовала в образе Деда Мороза Артема Артемовича Платонова — и почти не удивилась, когда и на самом деле 31 декабря Артем Артемович вышел нас поздравлять в красном дед-морозовском одеянии. Нарисовала еще и эскизы оберток для не существующих пока конфет с условным названием «Мишка на Севере — а мы на юге!» (посвящается всем, кто спрашивает, есть ли в Антарктиде белые медведи).

Кроме того, нужно было собрать материалы и сделать иллюстрации для детской книжки про людей, которые работают в Антарктике, и это оказалось более сложным делом, так как полярники — люди в большинстве своем немногословные и, чтобы состоялся разговор, мне нужно было преодолеть собственную интровертность. Тем не менее сейчас, разбирая свои записи, вижу, что материалов я собрала изрядное количество. Хочется поблагодарить за уделенное мне время Ивана Лаврентьева, Валентину Кошакову, Кирилла Лебединского, Светлану Смирнову, Андрея Сахарова, Николая Лаврухина, Александра Шевелева, Александра Краснова, Михаила Юрьевича Константинова, Ольгу Калинину, Сергея Бондарцева, Елизавету Ежову, Василия Леонтьевича Кузнецова, Максима, Дмитрия, Яхора, Севу, Анну и всех, кто отвечал на мои, иногда дурацкие, вопросы.

Отдельная благодарность — начальнику экспедиции Андрею Васильевичу Воеводину, который дал мне возможность как работать на судне, так и побывать на трех антарктических станциях.

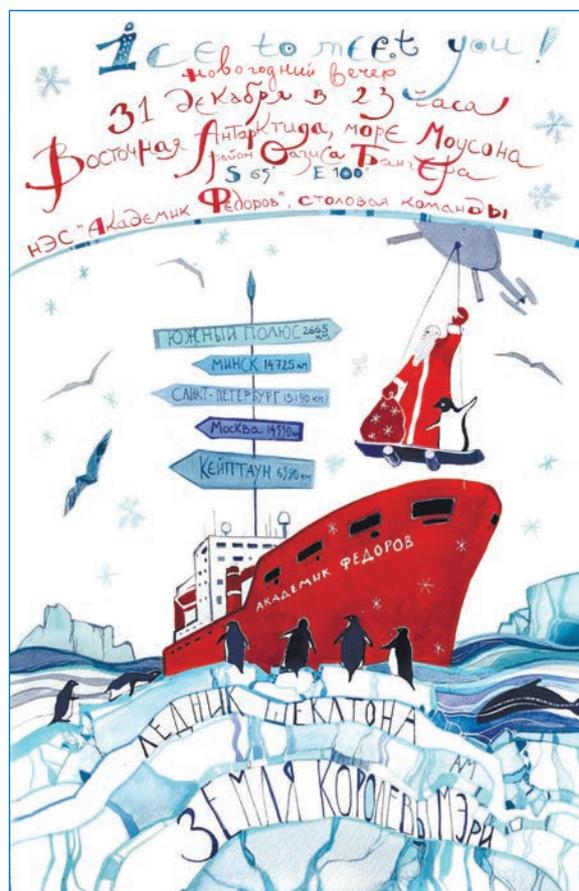
Спасибо капитану Андрею Леонидовичу Алексеву за очень спокойный рейс — мы обходили все шторма стороной, так что можно было работать каждый день, и ни разу мой ноутбук не пытался сползти со стола — так что под конец рейса я уже расслабилась. А поначалу, выходя на обед из каюты, привязывала его к столу физической резиновой лентой...

Спасибо всем позировавшим мне пингвинам и китам и всем ведомым и неведомым силам, которые помогли мне оказаться в этом фантастическом пространстве.

*А.Б. Михайлова
(Санкт-Петербургский Союз художников).
Фото Д.А. Поштаренко*

Поморник

Новогодняя афиша

За работой в каюте